

ТАИСИЯ ЗАРЕЦКАЯ

КОМНАТА,
КОТОРОЙ
НЕ БЫЛО

МИСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Таисия Зарецкая
Комната, которой не было

«Автор»

2026

Зарецкая Т.

Комната, которой не было / Т. Зарецкая — «Автор», 2026

Вера возвращается в старый семейный дом на севере, чтобы понять, почему её детство до сих пор отзывается страхом. Но дом хранит не только тайны рода Морозовых. В его стенах остались спрятанные письма, запретные комнаты, старое зеркало и голоса тех, кто когда-то тоже хотел получить ответ. Сначала Вера думает, что ей нужно узнать правду о прошлом. Но чем глубже она погружается в историю дома, тем яснее становится: правда здесь не достаётся бесплатно. «Дом Морозовых» — атмосферный мистический триллер для читателей Стивена Кинга, психологических хорроров и семейных саг о тёмном прошлом. Это история о доме, который помнит слишком много, о семейных тайнах, исчезновениях, детской травме и выборе, от которого зависит не только прошлое, но и судьба живых.

© Зарецкая Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Комната, которой не было

Пролог

Шторм

Шторм пришёл к Североморску ещё до наступления темноты, но по-настоящему вошёл в город только ночью, когда море за обрывом стало не просто тёмным, а почти бездонным, плотным, тяжёлым, и волны начали с таким глухим упорством разбиваться о камни, будто вниз, под мокрым чёрным небом, кто-то огромный пытался выбраться на берег. Ветер долго ходил вдоль пустых улиц, трепал провода, раскачивал редкие фонари у дороги к маяку и швырял дождь в окна старых домов так настойчиво, словно в каждом из них искал щель, через которую можно было бы проникнуть внутрь.

Дом Морозовых стоял на окраине, чуть выше остальных, у самого края обрыва, где солёный воздух въедался в дерево, железо и человеческую память. Днём он казался просто старым, слишком большим для небольшой семьи, с облупившимися наличниками, тяжёлой крышей и тёмными окнами второго этажа, но ночью, особенно во время шторма, в нём появлялось что-то почти живое. Скрип половиц становился похож на осторожное дыхание, тени в углах дела-

лись гуще, а стены, пропитанные запахом моря, сырости и старых вещей, будто вспоминали всё, что когда-то происходило внутри.

Семилетняя Вера проснулась от грома, который прокатился над домом так низко и тяжело, что задребезжало стекло в окне. Она не сразу поняла, где находится; несколько мгновений лежала неподвижно, ещё наполовину оставаясь в каком-то обрывке сна, где по мокрой дороге кто-то шёл за ней, не торопясь и не отставая. Потом сон растворился, и остались только её маленькая комната, темнота, бесконечный шум дождя и редкий свет маяка, который скользил по потолку, на секунду выхватывая из мрака шкаф, стул с брошенным на спинку платьем и плюшевого медведя с потёртой мордой на подоконнике.

Она уже хотела снова лечь и закрыть глаза, когда услышала наверху тихий протяжный скрип половиц.

Этот звук не был похож на обычные ночные звуки старого дома, к которым Вера давно привыкла. Дом всегда поскрипывал, особенно в непогоду, когда дерево набухало от сырости и ветер давил на стены, но сейчас в скрипе было что-то другое: размеренность, осторожность, почти человеческая тяжесть. Кто-то шёл по второму этажу, медленно перенося вес с одной доски на другую, и каждый шаг отдавался в потолке её комнаты так ясно, будто происходил совсем рядом.

Вера села в кровати, подтянула одеяло к груди и прислушалась.

Второй этаж она не любила, хотя днём там не было ничего по-настоящему страшного. Там стояла старая мебель под белыми простынями, хранились коробки с мамиными книгами и папиными рыболовными снастями, а в конце длинного коридора, где обои выцвели от влажности и времени, находилась маленькая кладовка с тяжёлой дверью. Иногда мать поднималась туда за вещами, но никогда не делала этого ночью, и каждый вечер, прежде чем выключить свет в коридоре, запирала дверь на лестницу так тщательно, будто за ней находились не пустые комнаты, а что-то, что требовало постоянного присмотра.

Вера знала это правило так же хорошо, как знала, что нельзя трогать горячую плиту и нельзя выходить к обрыву без взрослых. На второй этаж ночью не ходили. Не потому, что мать объясняла почему, а потому, что в её голосе каждый раз появлялась такая сухая, сдержанная тревога, что вопросов задавать не хотелось.

Но этой ночью дверь в коридор была приоткрыта.

Сначала Вера заметила не саму дверь, а свет, который лежал на полу тонкой дрожащей полосой. Он был тусклым, жёлтым, неправильным, не похожим на мягкий свет ночника из кухни и не похожим на холодные вспышки маяка. Он падал сверху, со стороны лестницы, и от этого у Веры неприятно сжалось горло.

Она выбралась из кровати очень осторожно, словно боялась, что лишний звук может привлечь к ней внимание того, кто ходил наверху. Пол был ледяным, и от прикосновения босых ступней к старым доскам по коже сразу пробежали мурашки. Прижимая к себе медведя, Вера подошла к двери своей комнаты и выглянула в коридор.

Внизу было темно. Только наверху, за лестничным пролётом, тянулся слабый свет, отчего ступени казались мокрыми и чужими. Воздух в доме пах дождём, морем и чем-то ещё, почти неуловимым: старой тканью, холодным железом, сыростью, которая будто поднималась не с улицы, а из самого дерева.

Наверху снова скрипнула половица, и Вера почувствовала, как страх внутри неё странным образом смешивается с любопытством. Она понимала, что надо вернуться в кровать, накрыться одеялом с головой и дожидаться утра, потому что утром всё всегда становилось объяснимым: тени превращались в мебель, шумы — в ветер, а странные ночные мысли — в глупости. Но сейчас её словно тянуло к лестнице, и это притяжение было таким же необъяснимым, как полоска света, которой не должно было быть.

Она поднялась на первую ступеньку, потом на вторую, потом ещё выше, держась рукой за холодные перила. С каждым шагом шум моря будто отдалялся, зато дом становился ближе, осязатее, плотнее; Вере казалось, что он слушает её дыхание и терпеливо ждёт, когда она дойдёт до конца.

На последней ступеньке она остановилась, потому что конце коридора второго этажа увидела дверь.

Не дверь в кладовку и не дверь в одну из трёх комнат, которые Вера знала с детства, а другая — узкая, тёмная, старая, словно простоявшая здесь много лет и всё это время почему-то остававшаяся незамеченной. Но Вера знала, что это невозможно. Она сотни раз бегала по этому коридору днём, играла здесь, пряталась за шкафами, считала шаги от лестницы до стены и всегда упиралась взглядом в выцветшие обои с тёмным пятном у плинтуса. Никакой двери там никогда не было.

Теперь же вместо стены стояла она, с потемневшей металлической ручкой, с узкой щелью внизу, из которой вытекал слабый жёлтый свет.

Вера стояла неподвижно, и ей вдруг показалось, что холод на втором этаже идёт не от окон и не от дождя за стенами, а именно от этой двери. Он медленно растекался по полу, касался её босых ног, поднимался выше, забирался под тонкую ночную рубашку и заставлял кожу покрываться мурашками.

Она сделала шаг вперёд, хотя всё внутри просило её остановиться.

Тогда из-за двери донёсся голос.

Он прозвучал очень тихо, словно говоривший находился не в соседней комнате, а где-то далеко, за толстым стеклом или за слоем воды. Вера не сразу разобрала слова, но узнала интонацию раньше, чем смысл, и от этого сердце у неё ударило в груди так сильно, что она невольно прижала медведя к себе.

— Верочка, — позвал отец.

Она нахмурилась, пытаясь понять, как он мог оказаться там. Ещё вечером отец сидел на кухне, пил чай из большой синей кружки, рассказывал ей про маяк и смеялся над тем, как ветер упрямо задувает дым обратно в трубу. Он обещал утром, если дождь стихнет, взять её с собой к берегу и показать место, где волны во время шторма поднимаются выше человеческого роста.

— Папа? — прошептала Вера, но голос получился таким слабым, что она сама едва его услышала.

За дверью что-то шевельнулось, и старая ручка почти незаметно дрогнула. Свет внизу стал ярче на мгновение, будто внутри кто-то подошёл ближе.

— Открой мне, Верочка, — снова сказал отец, и в его голосе было что-то странное, усталое и ласковое одновременно, отчего Вере стало ещё страшнее.

Она протянула руку, но не успела коснуться ручки.

Сзади раздался голос матери.

— Вера, отойди от двери.

Мать не кричала. В этом и было самое страшное. Ирина Морозова стояла у лестницы босая, в длинной тёмной ночной рубашке, с растрёпанными волосами и лицом настолько бледным, что в тусклом свете второго этажа казалась почти чужой. Она смотрела не на дочь, а на дверь, и в её взгляде было то выражение, которое ребёнок не способен понять до конца, но способен почувствовать всем телом: это был страх человека, который слишком хорошо знает, чего именно боится.

— Мам, там папа, — сказала Вера и сама услышала, как неуверенно прозвучали эти слова.

Ирина медленно поднялась по оставшимся ступеням, не сводя взгляда с двери. На мгновение Вере показалось, что мать тоже слышит голос, но не удивляется ему, потому что ждала именно этого.

— Это не он, — произнесла Ирина тихо, почти беззвучно, и в этом коротком ответе было столько боли и решимости, что Вера впервые испугалась не двери, а матери.

Снаружи ударил гром, и дом вздрогнул от крыши до фундамента. Где-то внизу звякнула посуда, ветер завыл в щелях, а из-за двери снова донёлся голос отца, теперь обращённый уже не к Вере:

— Ира, пожалуйста.

Лицо матери изменилось. Она словно на секунду перестала быть взрослой женщиной, которая всегда знала, где лежат ключи, как остановить кровь из разбитой коленки и что делать, если ночью пропал свет. В эту секунду она выглядела почти такой же напуганной, как Вера, только её страх был старше, глубже и тяжелее.

— Не слушай, — сказала она дочери, подходя ближе. — Что бы ты сейчас ни услышала, что бы тебе ни показалось, ты не должна открывать эту дверь.

— Но он просит, — прошептала Вера, и сама не поняла, почему ей вдруг стало так жалко отца, будто он действительно стоял там, один, промокший и замёрзший, и не мог попасть домой.

Ирина схватила её за руку. Пальцы у матери были холодные, влажные и дрожащие, но держали крепко.

— Дом иногда говорит голосами тех, кого мы любим, — произнесла она так тихо, что Вера скорее угадала слова по движению губ, чем услышала их. — Запомни это, Верочка. Если когда-нибудь он позовёт тебя снова, ты должна уйти.

Вера ничего не поняла, но от этих слов внутри у неё стало пусто и холодно. Она позволила матери увести себя от двери, хотя всё ещё смотрела через плечо на тёмное дерево, на потемневшую ручку, на полоску света у порога.

Уже на лестнице из-за двери снова прозвучал голос отца, и теперь в нём не было просьбы — только тихая, почти нежная усталость.

— Впусти меня.

Ирина замерла на секунду, но не обернулась. Она быстро увела Веру вниз, захлопнула дверь на лестницу, повернула ключ и долго стояла, прижав ладонь к дереву, словно удерживала не просто дверь, а весь второй этаж, весь дом, весь шторм, который пытался прорваться внутрь.

Вера сидела на кровати, обняв медведя, и смотрела на мать. Она никогда раньше не видела её такой. Мама всегда была строгой, собранной, иногда резкой, иногда усталой, но в ту ночь рядом с ней стояла женщина, которая знала, что чудовища могут говорить человеческими голосами.

Через некоторое время наверху снова послышались шаги — медленные, тяжёлые, с долгим протяжным скрипом половиц, будто кто-то ходил по коридору из конца в конец и никак не мог найти дорогу обратно. Ирина не двигалась, только закрыла глаза и сжала губы так сильно, что они почти побелели.

К утру шторм начал стихать, но отец исчез.

Мать сказала, что он ушёл к морю ещё до рассвета, и произнесла это так буднично, будто мужчина может выйти из дома в самый разгар ночной бури, оставив в прихожей куртку, на кухонном столе недопитый чай и сигареты возле окна. Вера смотрела на эти вещи и уже тогда, в свои семь лет, понимала, что взрослые иногда лгут не потому, что хотят обмануть ребёнка, а потому, что иначе им самим придётся произнести правду вслух.

После завтрака, когда мать вышла во двор и долго стояла у калитки, глядя в сторону моря, Вера поднялась на второй этаж.

Днём коридор был обычным: серый свет из окна, запах пыли, старые обои, тёмное пятно у плинтуса в самом конце. Она дошла до стены, коснулась её ладонью и почувствовала под пальцами только холодную, чуть влажную бумагу.

Двери там не было.

Спустя много лет Вера будет помнить не исчезновение отца и даже не лицо матери, поблевшее от ужаса у лестницы. Больше всего она будет помнить голос за дверью — тихий, ласковый, почти родной, — и то, как сильно ей тогда хотелось его впустить.

Глава 1

Сообщение

Вера Морозова узнала о смерти матери в тот час утра, когда город за окном ещё не проснулся окончательно, но уже перестал быть ночным. Москва лежала под мокрым мартовским небом, серым, низким и безразличным, с редкими огнями в окнах напротив и тонкой полосой рассвета, едва заметной между крышами. На подоконнике остывал кофе, сваренный слишком рано и выпитый только наполовину, на столе светился открытый ноутбук с незавершённым письмом клиенту, а телефон, оставленный на стопке бумаг, вдруг завибрировал так

резко и настойчиво, что Вера вздрогнула, будто этот звук донёлся не из комнаты, а из какого-то другого, давно закрытого пространства её жизни.

Она не сразу взяла трубку. Сначала посмотрела на экран, увидела незнакомый номер с кодом Архангельской области и почувствовала, как внутри неё медленно, почти без причины, сжалось что-то старое. Номер сам по себе ничего не значил; ей могли звонить из банка, из клиники, из любой организации, которая каким-то образом получила её данные. Но код региона был слишком точным, слишком неприятно знакомым, чтобы Вера смогла убедить себя в случайности.

Североморск.

Она не произнесла это слово вслух, но оно всё равно прозвучало в комнате, как чужой шаг в пустом коридоре.

Телефон продолжал вибрировать, слегка сдвигаясь по бумагам, и Вера наконец нажала на зелёную кнопку. На другом конце несколько секунд было слышно только далёкое шуршание, дыхание и глухой офисный шум, похожий на шелест старых папок.

— Вера Сергеевна Морозова? — спросила женщина с усталым, официально-сдержанным голосом.

Вера машинально выпрямилась, хотя в комнате была одна.

— Да, слушаю.

— Меня зовут Ольга Павловна Захарова, я нотариус Североморского нотариального округа. Простите, что беспокою вас в такое время, но мне необходимо сообщить вам о смерти вашей матери, Ирины Алексеевны Морозовой.

Вера смотрела на собственное отражение в тёмном экране ноутбука и некоторое время не понимала, что должна ответить. Слова, произнесённые женщиной, были ясными и простыми, но внутри они не сразу соединились в смысл. Смерть матери почему-то не показалась ей событием, которое могло произойти в реальности. Скорее это было что-то давно ожидаемое, но существовавшее в воображении, как мысль о старом доме: он, конечно, стоял где-то там, на краю обрыва, под солёным ветром и серым небом, но одновременно казался частью сна, из которого Вера уехала много лет назад и в который больше не собиралась возвращаться.

— Когда? — спросила она и удивилась, насколько ровным прозвучал её голос.

— Позавчера вечером. Точнее, по заключению врача, смерть наступила в ночь с воскресенья на понедельник. Соседка вызвала участкового, потому что Ирина Алексеевна долго не открывала дверь и не отвечала на звонки. Насколько я понимаю, смерть была естественной, предварительно — сердечная недостаточность, но документы вам лучше будет уточнить уже на месте. На месте. В этих двух словах было больше угрозы, чем во всей фразе о смерти.

Вера поднялась со стула и подошла к окну. Во дворе дворник лениво толкал перед собой мокрый снег, превращавшийся в грязную кашу у бордюра, возле подъезда стояла женщина с собакой и говорила по телефону, а дальше, за рядами машин, город жил своей обычной утренней жизнью, равнодушной к тому, что где-то далеко, почти на краю карты, умерла женщина, которую Вера десять лет пыталась не называть мамой даже мысленно.

— Мне очень жаль, — сказала нотариус после паузы, и эта дежурная фраза прозвучала не фальшиво, а скорее устало, как будто она давно знала, что люди редко бывают готовы к таким звонкам, даже если годами убеждали себя в обратном. — У Ирины Алексеевны осталось завещание, и, кроме того, вы указаны как ближайшая родственница. Вам нужно будет приехать для оформления документов, а также решить вопрос с домом и похоронами. Насколько я знаю, тело пока находится в морге районной больницы.

Вера закрыла глаза. На мгновение перед ней возник не морг и не районная больница, а кухня старого дома: жёлтый свет над столом, мамина рука на ручке чайника, занавеска, вздувающаяся от сквозняка, и голос, сухой, сдержанный, всегда чуть напряжённый, даже когда речь шла о самых простых вещах. Не ходи туда. Не открывай. Не слушай, если позовут.

Она резко открыла глаза, словно эти воспоминания могли затянуть её глубже, чем следовало.

— Я не знаю, когда смогу приехать, — сказала Вера. — У меня работа, и мне нужно время, чтобы всё организовать.

— Понимаю. Но похороны желательно не откладывать. Кроме того, дом сейчас фактически остаётся без присмотра, а погода у нас сами знаете какая. Ветер, сырость, перепады электричества. Соседка сказала, что у Ирины Алексеевны в последнее время были проблемы с отоплением.

Соседка. Дом. Отопление. Похороны. Все эти слова звучали непристойно бытовыми рядом со смертью, и именно поэтому казались особенно невыносимыми. Вера не плакала. В ней не было той ясной, горячей боли, которую принято испытывать после известия о смерти близкого человека. Вместо неё внутри поднималось тяжёлое, вязкое оцепенение, и где-то под ним, глубже, шевелилось чувство, похожее на страх.

— Кто вам дал мой номер? — спросила она.

— Он был в документах Ирины Алексеевны. И ещё в завещании. Она указала вас как единственного наследника.

Вера почти усмехнулась, но не от веселости.

Единственного наследника. Это было похоже на последний жест матери: оставить ей не память, не объяснение, не просьбу о прощении, а дом. Огромный старый дом у моря, из которого Вера уехала сразу после университета и куда не возвращалась ни на похороны дальних родственников, ни на городские праздники, ни даже тогда, когда мать впервые попала в больницу и соседка прислала ей короткое сообщение: «Ирина Алексеевна совсем плоха, может, вам стоит приехать».

Тогда Вера не приехала.

Она написала, что не может.

И это было правдой, но не всей.

— Я пришлю вам список документов сообщением, — продолжила нотариус. — Паспорт, свидетельство о рождении, если оно сохранилось, документы, подтверждающие родство. И, пожалуйста, предупредите меня, когда будете знать дату приезда. В городе не так много гостиниц, но, если понадобится, я могу подсказать, где остановиться.

— У меня есть где остановиться, — ответила Вера, и сама удивилась, как быстро сказала это.

На другом конце снова возникла короткая пауза.

— В доме? — осторожно уточнила Ольга Павловна.

Вера не сразу ответила. Она представила себе, как открывает тяжёлую входную дверь, как ступает в тёмную прихожую, где наверняка всё ещё пахнет сыростью, солью, старой одеждой и тем странным холодом, который даже летом держался в коридоре возле лестницы. Представила окно на кухне, за которым лежит мокрый сад, скрип половиц на втором этаже, закрытую дверь наверх. Взрослый человек внутри неё знал, что всё это всего лишь воспоминания, детские страхи, обломки старой семейной жизни, в которой было слишком много молчания и слишком мало тепла. Но тело помнило иначе.

— Да, — сказала она наконец. — В доме.

После разговора Вера ещё долго стояла у окна с телефоном в руке. Экран погас, потом снова загорелся от входящего сообщения: нотариус прислала адрес, перечень документов, несколько сухих строк о порядке оформления наследственного дела и номер ритуальной службы. Всё это выглядело так буднично, будто смерть была не разрывом в ткани жизни, а всего лишь процедурой, состоящей из справок, подписей, квитанций и звонков незнакомым людям.

Она поставила кофе в раковину, хотя он был почти полным, закрыла ноутбук и села на край дивана. В квартире было чисто, спокойно и немного безлично. Вера прожила здесь шесть

лет, но так и не позволила этому месту стать домом в полном смысле слова. Белые стены, книжные полки, рабочий стол, серый диван, несколько фотографий из поездок, на которых не было ни одного человека из прошлого. Всё в этой квартире говорило о женщине, которая научилась жить аккуратно, разумно, без лишних привязанностей и без тех вещей, которые могут внезапно напомнить о том, что ты когда-то была ребёнком.

Мать умерла.

Эта мысль наконец стала достаточно отчётливой, чтобы её можно было рассмотреть, но всё равно не вызывала слёз. Вера пыталась найти в себе хоть что-то похожее на горе и вместо этого обнаруживала только усталость и странное облегчение, за которое тут же становилось стыдно. Смерть Ирины Морозовой означала конец одной мучительной связи, которая давно держалась не на любви, а на крови, молчании и невысказанных обвинениях. Но вместе с этим она означала и возвращение туда, откуда Вера так долго бежала, меняя города, работы, мужчин, привычки, даже интонации, лишь бы однажды проснуться человеком, у которого нет старого дома на берегу и матери с глазами, полными тайного ужаса.

Она встала, прошла в спальню и открыла шкаф. Чемодан стоял на верхней полке, пустой, пыльный, с биркой от последней командировки. Вера достала его, поставила на пол и несколько минут смотрела на раскрытую тёмную пасть, не зная, что именно нужно брать на похороны матери, которую она не видела почти десять лет. Чёрное платье. Тёплый свитер. Документы. Зарядка. Таблетки от бессонницы, которые врач велел принимать только в крайнем случае. Она складывала вещи механически, но каждое движение почему-то казалось частью чужого сценария, в котором её роль давно написана без её согласия.

Когда она потянулась за папкой с документами, из верхнего ящика комода выпал старый конверт. Вера наклонилась, подняла его и сразу узнала почерк матери: ровный, острый, с сильным нажимом, будто каждая буква была не написана, а процарапана на бумаге. Конверт пришёл четыре года назад, но так и остался нераспечатанным. Тогда Вера нашла его в почтовом ящике, увидела обратный адрес и убрала подальше, пообещав себе открыть позже, когда будет готова. Потом забыла или сделала вид, что забыла.

Теперь конверт лежал у неё в руках, и от него исходила почти физическая тяжесть.

Она провела пальцем по краю бумаги, но вскрывать не стала. Не сейчас. Не в этой квартире, где всё ещё можно было притворяться, что прошлое не имеет власти над настоящим. Вера положила письмо в папку с документами, хотя не смогла бы объяснить, зачем берёт его с собой.

К полудню она купила билет на ближайший поезд до Архангельска, а оттуда собиралась добраться автобусом. Самолёты на нужную дату оказались неудобными, да и сама мысль о быстром перелёте казалась ей почему-то неправильной. Североморск не был местом, куда возвращаются внезапно. К нему нужно было ехать долго, через серые станции, холодные леса, мокрые дороги и постепенно нарастающее ощущение, что привычная жизнь остаётся позади не километрами, а слоями.

Перед выходом из квартиры Вера остановилась в прихожей. Там, возле зеркала, лежали ключи, помада, несколько чеков и маленькая серебряная заколка, которую она носила редко, но почему-то всегда перекладывала с места на место. Зеркало отражало её лицо: спокойное, собранное, чуть бледное, с тёмными кругами под глазами, которые уже давно стали частью внешности. Она выглядела как женщина, способная справиться с любыми документами, переговорами, похоронами и наследством. Как человек, который не станет раскисать от одного телефонного звонка.

Но когда Вера уже потянулась к выключателю, телефон снова ожил в кармане пальто.

Она решила, что это нотариус, и достала его без тревоги. На экране было сообщение с неизвестного номера. Без подписи, без приветствия, всего одна короткая фраза:

«Не ночуйте в доме, если начнётся шторм».

Вера перечитала сообщение несколько раз, пока буквы не стали казаться чужими. Потом подняла глаза на окно. В Москве по стеклу стекал обычный мокрый снег, грязный, редкий, почти весенний, и никакого моря рядом не было, никакого обрыва, никакого старого дома, где лестница на второй этаж всегда пахла холодом.

Она хотела удалить сообщение сразу, но не смогла.

Вместо этого Вера открыла прогноз погоды для Североморска и увидела, что через два дня в городе ожидалось штормовое предупреждение. Сильный ветер с моря, дождь, возможные перебои с электричеством.

Телефон потемнел у неё в руке.

В квартире стало очень тихо.

И в этой тишине Вера вдруг отчётливо вспомнила голос, который много лет назад звал её из-за двери, которой не существовало.

Глава 2

Североморск

Поезд пришёл в Архангельск ранним утром, когда небо ещё не успело посветлеть по-настоящему и висело над городом низкой серой крышкой, под которой всё казалось влажным, неподвижным и немного чужим. Вера почти не спала всю ночь, хотя несколько раз пыталась закрыть глаза и заставить себя провалиться хотя бы в короткий, беспамятный сон. Вместо этого она лежала на узкой полке, слушала равномерный стук колёс, смотрела в тёмное окно, где время от времени проступало её собственное отражение, и думала о том, что возвращение в прошлое редко происходит резко. Оно подбирается медленно, через случайные запахи, голоса, названия станций, через холодный чай в пластиковом стакане, через ощущение дороги, которая будто знает о тебе больше, чем ты сама готова признать.

К утру за окном потянулись мокрые окраины, редкие фонари, склады, пустые платформы, обледеневшие заборы и чёрные полосы леса за ними. Вера собрала вещи заранее, хотя до прибытия оставалось ещё почти двадцать минут, и долго сидела с чемоданом у ног, держа в руках телефон. Сообщение с неизвестного номера она не удалила. Оно лежало в памяти телефона и в её собственной памяти одинаково тяжело, как маленький предмет, который невозможно выбросить, потому что он слишком точно попал в ту часть души, где до сих пор хранился детский страх.

«Не ночуйте в доме, если начнётся шторм».

Вера перечитывала эту фразу столько раз, что слова начали терять смысл и превращаться в набор букв, но тревога от этого не уменьшалась. Рациональная часть её сознания уже успела предложить несколько объяснений: кто-то из соседей узнал о её приезде и решил напугать, кто-то из знакомых матери слишком хорошо помнил старые семейные слухи, или это было вовсе не предупреждение, а неудачная попытка вмешаться в наследственные дела. Дом у моря стоил денег, пусть и требовал ремонта, а в маленьких городах смерть одинокой женщины редко оставалась только частной трагедией; вокруг неё быстро возникали чужие интересы, пересуды, обиды, старые счёты и люди, которые почему-то считали себя вправе знать больше остальных.

Но ни одно объяснение не делало сообщение по-настоящему безопасным.

На автовокзале пахло мокрой одеждой, дешёвым кофе из автомата и тяжёлым воздухом дальних рейсов. Вера купила билет до Североморска у женщины в кассе, которая едва подняла на неё глаза, и вышла на улицу, чтобы дожидаться автобуса под навесом. Ветер здесь был совсем не московским. Он не просто трогал лицо и волосы, а словно входил под одежду, находил незащищённые места у шеи и запястий, приносил с собой солёную сырость, холод асфальта, запах реки, моря и чего-то железного, давнего, северного.

Автобус оказался старым, с мутными окнами и потрескавшимися поручнями. Вера села у окна, поставила чемодан рядом и почти сразу поняла, что дорога будет долгой не только из-за километров. Всё вокруг постепенно начинало меняться: городские кварталы редели, уступая место лесу, потом появлялись небольшие посёлки с покосившимися заборами, серыми крышами, остановками, где стояли люди с неподвижными лицами, будто давно привыкшие ждать под любым дождём. За окнами тянулись голые деревья, мокрые поля, придорожные кресты, редкие указатели и тёмные пятна воды в низинах, а небо всё больше темнело к северу, словно именно там собиралось то, что потом должно было обрушиться на побережье.

Вера пыталась читать письма в телефоне, отвечать на рабочие сообщения, проверять новости, но взгляд всё время возвращался к дороге. Чем ближе становился Североморск, тем отчётливее проступало ощущение, что она не едет в город, где когда-то выросла, а приближается к месту, которое всё это время оставалось на прежней глубине внутри неё и теперь поднимается наружу вместе с сыростью, ветром и тяжёлыми облаками.

Она уехала оттуда в восемнадцать лет, сначала в университет, потом дальше, в Москву, и первое время возвращение казалось возможным, даже неизбежным. Все уезжают из маленьких городов с тайной мыслью, что когда-нибудь всё равно приедут на лето, на Новый год, на чьи-то свадьбы или похороны, просто пока нужно закрепиться, выжить, стать кем-то другим. Но годы шли, и Североморск постепенно превращался из реального места в набор внутренних запретов. Не звонить без необходимости. Не отвечать сразу. Не смотреть старые фотографии. Не вспоминать лестницу на второй этаж. Не произносить вслух того, что случилось в ночь исчезновения отца, потому что любое произнесённое слово делает прошлое более плотным.

Матери она звонила редко. Сначала по праздникам, потом всё реже, потом почти перестала. Их разговоры никогда не длились долго и были похожи на осторожное передвижение по тонкому льду: здоровье, работа, погода, цены, иногда короткие замечания матери о доме, о соседях, о том, что море в этом году особенно злое. Вера никогда не спрашивала, почему Ирина Алексеевна не продаст дом и не переедет хотя бы в квартиру ближе к центру, потому что заранее знала ответ или боялась его услышать. Мать была привязана к этому месту не так, как человек привязан к дому, где прожил много лет. Скорее так, как сторож привязан к воротам, которые не имеет права оставить.

Автобус вздрогнул на выбоине, и Вера очнулась от мыслей. За окном показался первый дорожный знак с названием города. Белые буквы на синем фоне были облуплены по краям, и под ними кто-то когда-то нарисовал чёрной краской маленькую дверь с косой ручкой. Возможно, это был обычный подростковый рисунок, случайный, бессмысленный, но Вера смот-

рела на него до тех пор, пока знак не исчез за поворотом, и почувствовала неприятное покалывание в ладонях.

Североморск встретил её дождём.

Не сильным, не бурным, а мелким, настойчивым, почти невидимым, от которого через несколько минут становилось мокрым всё: волосы, воротник пальто, ручка чемодана, ресницы, губы. Автостанция почти не изменилась. Та же низкая постройка с облупленной вывеской, тот же киоск у выхода, где продавали пирожки, сигареты и дешёвые зонты, та же лавка у стены, на которой когда-то сидела Вера с матерью, ожидая автобус до районной больницы. Даже запах был похож: мокрый бетон, солярка, остывшая выпечка и море где-то рядом, хотя от автостанции до берега нужно было идти почти двадцать минут.

Она вышла из автобуса последней. Пассажиры быстро разошлись, будто у каждого здесь было место, куда необходимо добраться прежде, чем дождь усилится. Вера поставила чемодан на землю, застегнула пальто выше и огляделась. Город был меньше, чем она помнила, и одновременно тяжелее. Серые дома вдоль улицы казались ниже, окна темнее, вывески старше, но в этом уменьшении не было облегчения; наоборот, Североморск будто сжался, как кулак.

Первым человеком, который узнал её, оказалась женщина из киоска. Вера подошла купить бутылку воды, и та, пробивая товар, вдруг замедлила движение, прищурилась и внимательно посмотрела на неё поверх очков.

— Морозова? — спросила она неуверенно, но в голосе уже звучала не догадка, а узнавание.

Вера почувствовала знакомое желание ответить отрицательно, сделать вид, что она просто приезжая, случайная женщина с чемоданом и усталым лицом.

— Да, — сказала она. — Вера Морозова.

Женщина несколько секунд молчала, потом опустила взгляд на кассу и зачем-то стала поправлять пакеты на прилавке.

— Соболезную, — произнесла она наконец. — Ирина Алексеевна была... своеобразная женщина, но сильная. Такие долго держатся.

Вера не знала, что ответить на это странное определение. «Своеобразная» было тем словом, которым в маленьких городах часто прикрывали всё, о чём не хотели говорить прямо: одиночество, странности, тяжёлый характер, слухи, болезни, грехи. Она кивнула, забрала воду и уже собиралась отойти, когда женщина добавила тише:

— Вы надолго?

Вопрос был обычным, но прозвучал слишком внимательно.

— Пока не знаю. Нужно оформить документы и похороны.

— В доме остановитесь?

Вера снова услышала этот вопрос — почти тот же самый, что вчера задала нотариус. И снова в нём было не любопытство, а осторожность, будто люди проверяли, насколько близко она собирается подойти к чему-то, чего сами предпочитали не касаться.

— Да, — ответила она. — Это мой дом.

Женщина посмотрела на неё быстро, почти испуганно, и тут же отвела глаза.

— Ваш, конечно. Кто ж спорит.

Снаружи просигналила машина, и этот звук помог Вере выйти из странной паузы. Она убрала бутылку в сумку и направилась к стоянке такси, чувствуя спиной взгляд киоскёрши. За годы жизни в Москве Вера привыкла к тому, что человек может исчезнуть в толпе, стать незаметным, неинтересным, одним из многих. В Североморске это было невозможно. Здесь фамилия шла впереди тебя, как тень, и иногда эта тень оказывалась длиннее самой жизни.

Таксист, которому она назвала адрес, не переспросил дорогу. Он был невысоким мужчиной лет пятидесяти с широкими плечами, красным от ветра лицом и молчаливой привычкой

смотреть на пассажиров через зеркало заднего вида. Машина пахла табаком, влажными ковриками и освежителем воздуха с резким хвойным запахом.

— К Морозовой, значит, — сказал он, вырывая со стоянки.

— Уже не к Морозовой, — ответила Вера и сразу пожалела, потому что фраза прозвучала жестче, чем она хотела. — Простите. Я имею в виду, Ирина Алексеевна умерла.

— Знаю, — сказал таксист после короткой паузы. — Город маленький.

Они поехали по центральной улице, где мокрые пятиэтажки стояли вплотную к дороге, первые этажи занимали аптеки, магазины, парикмахерские с выцветшими фотографиями стрижек в окнах. Вера узнавала отдельные места, но узнавание было болезненно неточным, как если бы она смотрела на старую фотографию, которую кто-то долго держал на солнце. Вот здесь раньше был книжный, где мать покупала ей тетради и говорила, что хорошие книги нужно держать чистыми руками. Там, у поворота, стояла булочная, откуда по утрам пахло горячим хлебом. На углу возле школы когда-то росла рябина, под которой Вера в двенадцать лет впервые подралась с одноклассницей, назвавшей её мать ведьмой.

Рябины больше не было.

На её месте стоял банкомат с разбитым козырьком.

— Давно не были? — спросил таксист.

— Давно.

— Оно и видно.

Вера посмотрела на него в зеркало.

— Что видно?

Он пожал плечами, не отрывая взгляда от дороги.

— Люди, которые здесь живут, на море так не смотрят.

Только после его слов Вера поняла, что действительно смотрит в сторону берега всякий раз, когда улицы расходятся и между домами появляется просвет серой воды. Море было почти того же цвета, что небо, только темнее у горизонта. Оно двигалось тяжело, без блеска, и в этом движении не было ничего живописного. В детстве Вера думала, что море — это огромная память, которая ничего не забывает и однажды возвращает всё выброшенное на берег, пусть даже через много лет.

Машина свернула на старую дорогу к обрыву. Здесь город редел, становился ниже и тише. Дома стояли дальше друг от друга, заборы были выше, сады — запущеннее, а ветер уже не задерживался на улицах, а шёл с моря открыто, уверенно, как хозяин. На краю дороги показался маяк — тонкая тёмная башня на сером фоне, знакомая до боли. Вера не видела его много лет, но тело узнало раньше сознания: внутри у неё сжалось что-то детское, маленькое, спрятанное слишком глубоко.

— Шторм обещают, — сказал таксист, замедляя ход перед поворотом. — К ночи разойдётся не на шутку.

Вера посмотрела на него.

— Часто здесь теперь такие предупреждения?

— Как когда. Осенью чаще, весной реже, но море в последние годы странное. То тихое, как мёртвое, то вдруг за ночь берег съест. У вас там дом на самом краю, я бы проверил, что с окнами и крышей. И электричество может выбить.

Он говорил спокойно, по-деловому, но Вера снова вспомнила сообщение. Не ночуйте в доме, если начнётся шторм. Она хотела спросить, кто мог прислать такое предупреждение, но не спросила. В маленьком городе вопрос, заданный не тому человеку, возвращается к тебе уже в чужом пересказе.

Дом появился за поворотом внезапно, хотя Вера знала, что он должен быть именно там.

Старый, тёмный, с высокой крышей и окнами второго этажа, обращёнными к морю, он стоял чуть в стороне от дороги, за покосившимся забором и мокрыми голыми яблонями. За

годы её отсутствия дом не разрушился, как иногда воображалось ей в Москве, но и не сохранился прежним. Он будто осел, потяжелел, вобрал в себя ещё больше сырости и молчания. Краска на наличниках облупилась, крыльцо потемнело от дождей, водосточная труба возле угла была погнута, а одно из окон наверху закрывала серая занавеска, хотя Вера точно помнила, что в детстве в той комнате занавесок не было.

Таксист остановил машину у калитки и помог достать чемодан из багажника. Дождь к этому времени усилился, и по садовой дорожке текли тонкие мутные ручьи.

— Вам помочь донести? — спросил он.

— Нет, спасибо.

Он посмотрел на дом, потом на Веру, и на мгновение ей показалось, что он хочет сказать что-то ещё, но передумал.

— Если что, в городе связь плохо ловит ближе к обрыву. Лучше звоните с кухни, там обычно берёт.

Это знание было слишком конкретным, почти интимным, и Вера почувствовала раздражение.

— Вы часто сюда ездили?

— Иногда, — ответил он. — Ирина Алексеевна вызывала машину до больницы или в аптеку. Не любила, когда её кто-то подвозил бесплатно.

В этом Вера узнала мать так точно, что на секунду стало больно. Ирина Морозова могла нуждаться в помощи, но ненавидела сам факт этой нужды. Она всегда платила, возвращала, закрывала долги, запирала двери, держала лицо, будто любая слабость была целью, через которую в дом может войти что-то опасное.

Таксист уехал, и Вера осталась одна у калитки.

Несколько секунд она просто стояла под дождём, сжимая ручку чемодана, и смотрела на дом. Вокруг не было ни одного человека. Только ветер шевелил мокрые ветки яблонь, за забором шумело море, и где-то далеко, со стороны маяка, тянулся низкий гул, который мог быть сиреной, а мог быть просто голосом ветра в металлических конструкциях.

Ключи от дома она нашла в конверте, который нотариус велела забрать у соседки, но соседка, как выяснилось из короткого сообщения, оставила их под старым цветочным горшком на крыльце. Это было настолько по-североморски — спрятать ключи в самом очевидном месте, потому что здесь всё равно все знали, кто чужой, а кто свой, — что Вера едва заметно усмехнулась.

Она открыла калитку, и та заскрипела так же, как в детстве. Этот звук оказался неожиданно сильнее всех воспоминаний. Вера вдруг увидела себя маленькой: мокрые варежки, школьный портфель, мать на крыльце, отец у сарая, дым от его сигареты, белый пёс соседей, бегущий вдоль забора. Всё это возникло и сразу рассыпалось, как изображение на старой плёнке.

Чемодан глухо стучал по неровным плитам садовой дорожки. Возле крыльца Вера остановилась, подняла горшок, достала ключ и долго держала его в ладони. Металл был холодный, влажный и тяжёлый. Такими же ей запомнились ключи матери: не просто предметы, а маленькие знаки власти над домом, где каждая дверь имела значение.

Вера вставила ключ в замок. Он повернулся не сразу. Пришлось нажать плечом на дверь, и только после этого внутри что-то щёлкнуло, нехотя, с сухим сопротивлением. Дверь открылась, выпуская наружу запах закрытого дома: сырость, пыль, старое дерево, лекарства, холодная зола в печи, выцветшая ткань и едва уловимый аромат маминых духов, которые Ирина Алексеевна перестала использовать ещё до Вериного отъезда, но которые, казалось, каким-то образом остались в стенах.

Вера перешагнула порог.

В прихожей было полутемно. На крючке висело старое пальто матери, под ним стояли резиновые сапоги, аккуратно поставленные носками к стене, на маленьком столике лежали перчатки, квитанция за электричество и очки в тонкой металлической оправе. Всё выглядело так, будто хозяйка вышла ненадолго и должна была вернуться через несколько минут. Эта аккуратность оказалась страшнее беспорядка. Смерть не оставила здесь явного следа, но именно поэтому её присутствие чувствовалось сильнее: дом продолжал держать форму жизни, из которой человек уже исчез.

Вера закрыла дверь и осталась стоять в прихожей, прислушиваясь.

Сначала она слышала только дождь, ветер и далёкий грохот волн. Потом — тихое тиканье часов из гостиной. И ещё какой-то слабый звук наверху, возможно, обычный скрип старых балок под ветром.

Она заставила себя не смотреть на лестницу.

Не сейчас.

Сначала нужно было включить свет, занести чемодан, проверить воду, отопление, позвонить нотариусу, узнать про морг, ритуальную службу, документы, всё то, что делают взрослые люди, когда приезжают хоронить родителей. Взрослые люди не стоят в прихожей, боясь поднять глаза на второй этаж. Взрослые люди знают, что дома не помнят, двери не появляются из ниоткуда, а мёртвые отцы не зовут дочерей по имени сквозь стены.

Вера нащупала выключатель. Лампочка под потолком мигнула несколько раз и загорелась тусклым жёлтым светом.

На лестнице, ведущей на второй этаж, лежала пыль. Но посередине одной из ступеней был тёмный мокрый след, похожий на отпечаток босой ноги.

Вера смотрела на него долго, не двигаясь и не позволяя себе сделать ни одного вывода. За окнами усиливался дождь, где-то в глубине дома продолжали тикать часы, а из верхнего коридора медленно тянуло холодом, слишком свежим и влажным для закрытого, пустого этажа.

Глава 3

Дом у моря

Вера не сразу решилась подняться по лестнице, хотя мокрый след на ступени уже начал темнеть на глазах, впитываясь в старое дерево так медленно, будто дом неохотно принимал в себя доказательство чьего-то присутствия. Она стояла в прихожей с чемоданом у ног, с пальто, ещё влажным от дождя, на плечах и смотрела на эту неровную тёмную отметину, которая была слишком похожа на отпечаток босой человеческой ступни, чтобы её можно было сразу назвать случайным пятном. Взрослая, разумная часть её сознания торопливо подбираала объяснения: протекла крыша, ветер занёс воду через плохо закрытое окно, кто-то из соседей заходил после смерти матери, может быть, врач, участковый или работник ритуальной службы. Но все эти объяснения разбивались об одну неприятную деталь: след был посередине лестницы, не возле входной двери, не рядом с окном, не там, где вода могла появиться естественно, а именно на пути вверх, словно кто-то спустился со второго этажа и остановился, не дойдя до прихожей.

В доме было холодно, хотя батареи едва слышно потрескивали, и этот холод не походил на обычную мартовскую сырость. Он держался в воздухе отдельным слоем, неподвижным и влажным, будто комнаты долго стояли закрытыми не после смерти человека, а после какого-то события, о котором никто не решался говорить. Вера сняла пальто, повесила его на крючок рядом с материнским и тут же пожалела: две вещи рядом выглядели слишком по-семейному, почти мирно, словно мать не умерла, а просто вышла в соседнюю комнату, оставив дочери место у двери.

Она заставила себя отвернуться от лестницы и пройти в гостиную. Дом принял её не приветствием, а молчаливым перечислением всего, что когда-то принадлежало её жизни и теперь было оставлено ей без спроса. Слева стоял старый книжный шкаф с мутным стеклом, где по-прежнему теснились тома в потёртых корешках: справочники по ботанике, сборники русской прозы, несколько медицинских брошюр, отцовский потрёпанный атлас морских течений, который Вера в детстве рассматривала часами, представляя, что каждая синяя линия на карте ведёт в другое, более безопасное место. У окна сохранилось кресло матери с жёсткой высокой спинкой, рядом на маленьком столике лежали очки, раскрытая книга и клубок серой шерсти, из которого торчали спицы. Всё было расставлено с той строгой аккуратностью, за которой всегда угадывалось напряжение, и Вера почти физически ощутила материнское присутствие, словно Ирина Морозова даже после смерти продолжала следить, чтобы в доме ничего не сдвинулось с положенного места.

Часы в гостиной тикали тише, чем она помнила. Большие настенные часы с потемневшим деревянным корпусом достались семье от бабушки, и в детстве Вера часто боялась их ночного боя, потому что звук, раздававшийся в тишине, казался ей не отсчётом времени, а напоминанием о чём-то неизбежном. Сейчас стрелки показывали без десяти четыре, хотя её телефон уверял, что было только половина третьего. Она подумала, что часы давно сбились, но всё равно задержала взгляд на маятнике: он двигался ровно, упрямо, с каким-то старческим достоинством, будто не признавал ни смерти хозяйки, ни возвращения дочери, ни того факта, что в доме больше некому сверять по нему время.

Вера поставила чемодан у стены и прошла на кухню, где воспоминания ударили неожиданно сильнее, чем в гостиной. Здесь всё было слишком знакомым: облупившаяся эмаль раковины, старый стол у окна, деревянная хлебница, занавески с мелким синим узором, которые мать, видимо, так и не сменила за все эти годы. На подоконнике стояли два горшка с почти засохшей геранью, а рядом — маленькая баночка с морской солью, откуда Ирина Алексеевна всегда брала щепотку, когда готовила рыбу. Вера провела пальцами по краю стола и увидела, что на коже осталась тонкая серая пыль, но под этой пылью всё равно чувствовалась прежняя поверхность, гладкая, местами исцарапанная ножом, с тёмным кружком от горячей кастрюли, который появился ещё в её детстве.

На кухонном столе лежала записка.

Сначала Вера решила, что это квитанция или список покупок, но, подойдя ближе, узнала материнский почерк. Несколько слов были написаны на обороте старого аптечного чека, сильно нажатыми, неровными буквами, как будто Ирина писала их в спешке или в темноте. Вера взяла бумажку осторожно, почти с брезгливой тревогой, хотя не смогла бы объяснить, чего именно боится увидеть.

«Запереть верх. Не забыть до темноты».

Она перечитала фразу несколько раз, пока смысл не перестал быть бытовым и не стал по-настоящему неприятным. Запереть верх. Не дверь, не окна, не чердак, а именно верх, как будто второй этаж был не частью дома, а чем-то отдельным, способным проснуться, открыться или спуститься вниз, если его вовремя не удержать. Вера медленно положила записку обратно на стол и почувствовала, что руки у неё стали холодными.

Она вспомнила, как в детстве мать каждый вечер обходила дом перед сном. Проверяла окна, щекотки, выключатели, плиту, потом подходила к лестнице и запирала дверь на второй этаж. Тогда Вера думала, что это просто одна из материнских странностей, из тех навязчивых привычек, которые делают взрослых непонятными и иногда смешными. Но теперь, стоя в кухне после смерти матери, она ясно увидела в этих повторяющихся действиях не причуду, а страх, выдержанный годами, доведённый до ритуала и потому ставший почти незаметным.

Телефон в её кармане завибрировал, и Вера вздрогнула сильнее, чем могла бы признать. Звонила нотариус.

— Вера Сергеевна, вы добрались? — спросила Ольга Павловна, и её голос, деловой и человеческий одновременно, на мгновение вернул Веру в реальность, где существуют документы, печати, рабочие часы и люди, не верящие в тёмные двери.

— Да, я уже в доме.

— Хорошо. Я договорилась с ритуальной службой, завтра утром вам нужно будет подъехать в больницу, затем ко мне. Свидетельство о смерти предварительно готово, но там потребуется ваша подпись. Похороны можно назначить на послезавтра, если вы согласны.

Вера смотрела в окно на мокрый сад. Голые яблони стояли, переплетаясь ветками, как старые пальцы, а за ними угадывалось серое пространство моря. Отсюда оно было не видно полностью, только движущаяся темнота между стволами, но его присутствие чувствовалось постоянно, как присутствие большого зверя за стеной.

— Да, — сказала она. — Назначайте.

— Вы одна в доме?

Вера медленно перевела взгляд на кухонную дверь, за которой начинался коридор и лестница.

— Одна.

На другом конце возникла короткая пауза, настолько незначительная, что её можно было бы не заметить, если бы Вера уже не научилась за эти сутки слышать в чужих паузах больше, чем в словах.

— Тогда, пожалуйста, будьте осторожны. Дом старый, после смерти Ирины Алексеевны там могли отключать электричество, отопление работает нестабильно. Если захотите остановиться в гостинице, я могу позвонить.

— Спасибо, не нужно.

— Как скажете. И ещё, Вера Сергеевна... я понимаю, что сейчас не время, но в городе многие знали вашу мать. Могут приходить, спрашивать, предлагать помощь. Не всем стоит открывать.

— Что вы имеете в виду?

Ольга Павловна снова помолчала, и теперь пауза была слишком длинной, чтобы казаться случайной.

— Маленький город, — сказала она наконец. — Смерть одинокого человека всегда вызывает разговоры. Особенно когда речь идёт о доме Морозовых.

Вера почувствовала, как раздражение, до этого спрятанное под тревогой, медленно поднимается наружу.

— Что не так с домом Морозовых?

— Ничего, — слишком быстро ответила нотариус. — Просто место известное. Старое. На краю. Люди любят легенды, вы же понимаете.

Вера понимала, но именно поэтому ей стало ещё неприятнее. Легенда — удобное слово для всего, что не хочется называть слухами, страхом или правдой.

— Я завтра буду у вас, — сказала она.

После разговора кухня стала казаться ещё тише. Вера убрала телефон в карман, открыла кран и долго ждала, пока из него перестанет идти ржавая вода. Трубы глухо вздрагивали в

стене, будто дом с трудом вспоминал, как пропускать через себя жизнь. Она помыла руки, хотя они были чистыми, потом налила чайник, поставила на плиту и зажгла газ. Маленькое синее пламя возникло с сухим щелчком, и этот простой бытовой звук почему-то подействовал успокаивающе. Пока есть огонь, вода, чай, телефон, документы и дела на завтра, мир ещё держится на привычных правилах.

Она нашла в шкафу чашку, ту самую, с тонкой трещиной у ручки, из которой мать пила чёрный чай без сахара. Вера достала другую, но всё равно долго смотрела на материнскую чашку, словно это была не посуда, а часть тела, оставшаяся после исчезновения человека. Ей вдруг стало стыдно, что она не приехала раньше. Не потому, что любила мать так, как положено любить, а потому, что смерть окончательно лишала её возможности задать вопросы, которые много лет казались опасными, унижительными или бессмысленными.

Почему ты так боялась второго этажа? Почему никогда не говорила об отце правду? Почему после той ночи в доме стало запрещено произносить некоторые слова? Почему ты смотрела на меня иногда так, будто я не дочь, а напоминание о чём-то страшном?

Чайник начал шуметь, и Вера выключила газ раньше, чем вода закипела. В доме снова что-то скрипнуло, теперь уже где-то ближе к гостиной. Она замерла, прислушиваясь, но звук не повторился. Ветер, сказала она себе. Старые доски. Сырость. Всё в этом доме может звучать так, будто кто-то ходит, если достаточно долго стоять в тишине и ждать.

Ей нужно было занести чемодан в спальню.

В детскую она идти не хотела, хотя понимала, что мать, скорее всего, давно превратила её комнату в склад старых вещей. Гостиная спальня находилась на первом этаже, рядом с кабинетом отца, и Вера решила остановиться там. Это решение было практичным и взрослым, но в нём также было что-то от детской трусости: не подниматься наверх, если можно не подниматься.

Она вернулась в прихожую, взяла чемодан и ещё раз посмотрела на лестницу. Мокрый след на ступени почти исчез, оставив после себя только более тёмное пятно на древесине. Вера подняла взгляд выше, туда, где лестничный пролёт уходил в серый полумрак, и заметила, что дверь на второй этаж не заперта. Более того, она была чуть приоткрыта, хотя в детстве всегда закрывалась плотно, тяжело, с особым деревянным стуком, который Вера помнила лучше многих голосов.

Она подошла ближе и положила ладонь на перила. Дерево было холодным. Оттуда, сверху, пахло пылью, сырой тканью и чем-то свежим, почти морским, как будто окно на втором этаже действительно было открыто. Вера могла бы подняться и проверить. Могла бы доказать себе, что всё объяснимо: рама разболталась, дождь попал внутрь, вода стекла на лестницу, отсюда и след. Простое действие, пять минут, ничего больше.

Но она не поднялась.

Вместо этого нашла в связке старый ключ, закрыла дверь на второй этаж и прислушалась к тому, как замок повернулся внутри дерева. Звук вышел негромким, но в тишине дома он прозвучал окончательно, почти торжественно. Вера почувствовала облегчение и сразу разлилась на себя за это облегчение.

Она перенесла чемодан в гостевую спальню. Комната оказалась почти такой же, как прежде: узкая кровать у стены, шкаф с зеркальной дверцей, тёмный комод, на котором стояла засохшая ветка в стеклянной вазе, и маленькое окно, выходившее в сад. Когда-то здесь останавливалась бабушка, потом редкие гости, потом никто. Воздух был застоявшийся, с запахом старого белья и холодной пыли. Вера раскрыла чемодан, достала свитер, документы, косметичку, таблетки, но вещи не стала раскладывать по шкафам. Ей не хотелось оставлять в этом доме следы своего присутствия больше, чем необходимо.

Ближе к вечеру дождь усилился. Небо за окном стало темнеть не постепенно, а как-то сразу, будто кто-то незаметно опустил над городом тяжёлую серую ткань. Вера включила свет в

кухне и гостиной, но лампы горели тускло, временами едва заметно подрагивая. Она позвонила в ритуальную службу, ответила на несколько рабочих сообщений, написала короткое письмо коллеге, что вынуждена уехать по семейным обстоятельствам, и всё это время чувствовала, как дом вокруг неё медленно наполняется вечерним напряжением.

Старые дома не любят сумерки. В них слишком много углов, где темнота появляется раньше, чем должна, слишком много поверхностей, в которых отражается не свет, а память. Вера ходила из комнаты в комнату, зажигая лампы, проверяя окна, закрывая форточки, словно повторяла тот самый материнский обход, которому в детстве придавала так мало значения. На кухне она нашла спички, свечи, батарейки, фонарик без крышки и несколько пачек соли в нижнем ящике. Соль была везде: в кухонном шкафу, на подоконнике, даже в маленькой миске возле задней двери. Это могло быть очередной странностью Ирины Алексеевны, бытовой привычкой одинокой пожилой женщины, но Вера слишком хорошо помнила, как мать иногда сыпала соль тонкой линией у порога после сильного ветра с моря.

Она не знала, что с этим делать, поэтому просто закрыла ящик.

В девять вечера позвонила соседка, представившаяся Валентиной Егоровной, хотя Вера смутно помнила её как тётю Валю из дома через дорогу. Голос у неё был высокий, осторожный, со старческой хрипотцой.

— Верочка, это я вам ключи оставляла. Вы добрались, милая?

Это «милая» прозвучало неожиданно мягко, и Вера почувствовала, как у неё устало сжалось лицо. За день она услышала столько соболезнующих, осторожных, недоговорённых фраз, что простая человеческая интонация почти выбила её из равновесия.

— Да, спасибо. Я нашла ключ.

— Вы в доме сейчас?

— Да.

Валентина Егоровна вздохнула, и этот вздох донёсся сквозь трубку долгим шорохом.

— Я бы зашла, да ноги сегодня совсем не идут. Завтра после больницы загляните ко мне, я вам кое-что отдам. Ирина Алексеевна просила, если... если с ней что-то случится.

Вера медленно села на стул.

— Что отдать?

— Не по телефону, Верочка. Не люблю я это. Завтра приходите.

— Валентина Егоровна, кто мог прислать мне сообщение про шторм?

На другом конце стало тихо.

— Какое сообщение?

Вера пересказала фразу, стараясь говорить спокойно, но, когда произнесла её вслух, предупреждение снова стало живым.

Соседка долго молчала, и в этом молчании Вера услышала то же самое, что уже слышала в паузах нотариуса, киоскёрши, таксиста: не удивление, а узнавание.

— Вы сегодня наверх не ходите, — сказала наконец Валентина Егоровна. — Устали с дороги, переночуете внизу, а завтра уже всё посмотрите при свете.

— Почему все говорят со мной так, будто в этом доме что-то есть?

— Потому что в каждом доме что-то есть, когда в нём долго живут люди, — ответила соседка после паузы. — Только одни дома отпускают, а другие нет.

Вера закрыла глаза.

— Это звучит как местная страшилка.

— Может, и страшилка. Вам сейчас лучше чай попить и лечь. И дверь наверх закройте, если ещё не закрыли.

— Я закрыла.

— Хорошо, — сказала Валентина Егоровна так, будто это действительно имело значение. — Тогда до утра не открывайте, что бы там ни было.

Связь оборвалась прежде, чем Вера успела спросить, что именно она имеет в виду.

После этого дом стал казаться не просто старым и пустым, а внимательно ожидающим. Вера долго сидела на кухне, не включая телевизор, хотя пульт лежал рядом, и слушала, как дождь бьёт по стеклу. Мысли шли кругами, возвращаясь к одному и тому же: след на ступени, записка матери, сообщение с неизвестного номера, слова соседки. Она пыталась выстроить всё это в цепочку, пригодную для реальности, но реальность сопротивлялась, оставляя слишком много пустых мест.

Ближе к полуночи ветер усилился. Дом начал звучать иначе: где-то в стенах тянуло низко и протяжно, на чердаке что-то перекатывалось, в окнах дрожали стёкла, а море за садом грохотало всё ближе, хотя Вера знала, что обрыв не мог подвинуться к дому за один вечер. Она приняла половину таблетки от бессонницы, запила водой из-под крана и легла в гостевой спальне, оставив в коридоре включённый свет.

Сон не приходил. Вера лежала на спине, смотрела на бледный прямоугольник двери и думала о том, что в детстве ночи в этом доме всегда были слишком длинными. В Москве ночь имела шум: машины, лифт, соседи, трубы, далёкие сирены. Здесь ночь состояла из дома и моря, и от этого казалась гораздо более плотной.

Где-то около трёх она всё-таки начала проваливаться в тяжёлое, мутное забытьё, когда в гостиной внезапно пробили часы. Один удар, потом второй, третий.

Вера открыла глаза. Часы били долго, с глухим металлическим звоном, который расходился по дому, проходил через стены и возвращался эхом из коридора. Она считала удары не сразу, а только после пятого, когда поняла, что их слишком много для ночного времени, но часы остановились на тринадцатом, и после этого в доме стало так тихо, будто даже ветер на мгновение отступил.

Вера села в кровати. Из коридора тянуло холодом. Свет, который она оставила включённым, почему-то погас, хотя в спальне лампа у кровати всё ещё горела. Она потянулась за телефоном, посмотрела на экран и увидела время: 03:17.

Несколько секунд она просто смотрела на цифры.

Потом из глубины дома донёсся звук. Не громкий, не резкий, почти будничным: кто-то медленно повернул ключ в замке двери на второй этаж. Вера сидела неподвижно, чувствуя, как холод поднимается от пола к коленям, а затем услышала, как старая дверь в коридоре приоткрылась с тихим, долгим скрипом, который она помнила с детства лучше, чем любой материнский голос.

Глава 4

Три семнадцать

Вера долго не двигалась, прислушиваясь к тому, как за дверью спальни меняется ночная тишина. Ещё несколько минут назад дом казался просто старым, продуваемым ветром, полным естественных звуков, которым можно было подобрать объяснение, если держаться за здравый смысл достаточно крепко, но после металлического щелчка замка всё изменилось. Звук был слишком точным, слишком осмысленным, чтобы принять его за работу дерева, за сквозняк или за старые трубы. Кто-то действительно повернул ключ в замке двери, ведущей на второй этаж, и теперь та дверь была открыта, хотя Вера своими руками закрыла её вечером и хорошо помнила сухой, окончательный звук, с которым язычок замка вошёл в паз.

Лампа у кровати горела слабым желтоватым светом, но дальше, за открытой дверью спальни, коридор тонул в темноте. Вера видела только край коврика, нижнюю часть стены и полоску пола, на которую падал свет из комнаты. Там не было ничего страшного, никакого силуэта, никакого движения, и именно это почему-то пугало сильнее. Если бы она увидела человека, вора, соседку, случайного пьяного, пробравшегося в дом, страх получил бы форму и стал бы чем-то, с чем можно разговаривать, спорить или от чего можно защищаться. Но в коридоре было пусто, а где-то за этой пустотой, у лестницы, медленно и почти незаметно раскрывалась давно запертая часть дома.

Она потянулась к телефону, снова посмотрела на экран, будто цифры могли измениться и тем самым снять с неё обязанность верить собственным глазам, но время оставалось прежним: 03:17. Синеватый свет экрана делал её пальцы бледными, почти чужими. Несколько секунд

Вера держала телефон в руке, думая, кому можно позвонить в такую ночь и что именно сказать. Что в доме умершей матери кто-то открыл дверь, которую она запирала? Что часы в гостиной пробили тринадцать раз? Что ей кажется, будто второй этаж проснулся? Любая формулировка выглядела нелепо, болезненно, недостойно взрослой женщины, которая привыкла решать проблемы через действия, а не через детский ужас.

Она набрала номер службы такси, который сохранился после дневной поездки, но связь не прошла. Телефон долго думал, потом показал одну тонкую полоску сети и сбросил вызов. Вера попробовала ещё раз, уже почти сердясь на себя за дрожь в пальцах, но результат был тем же. Тогда она открыла сообщения, нашла переписку с нотариусом, потом с Валентиной Егоровной, чей номер соседка прислала после их разговора, и несколько секунд смотрела на экран, не решаясь отправить хоть что-нибудь. Написать пожилой женщине ночью: «У меня открылась дверь наверх» — значило признать, что она сама не справляется с домом, который ещё вчера казался ей всего лишь наследственным имуществом.

Из коридора донёлся тихий скрип.

Не шаг и не стук, а именно скрип двери, которая чуть сильнее подалась внутрь, будто под давлением медленного сквозняка. Вера почувствовала, как по коже у неё прошёл холод, и сразу же с раздражением заставила себя вдохнуть глубже. Она была в доме одна. Ключи от входной двери лежали на столике в прихожей. Все окна на первом этаже она проверила перед сном. Дверь на второй этаж, возможно, не закрылась до конца; старый замок мог провернуться сам, если дерево разбухло от сырости или если язычок не вошёл в паз. Часы могли сбиться от перепада напряжения. Усталость, дорога, смерть матери, странные разговоры местных жителей, сообщение про шторм — всё это могло сложиться в одну плотную, тревожную картину, где любой бытовой звук начинал казаться знаком.

Ей нужно было встать, дойти до коридора и включить свет. Эта мысль была простой и правильной, но тело не сразу подчинилось. Вера сидела в кровати, прислушиваясь к собственному дыханию, и вдруг с почти болезненной ясностью вспомнила, как в детстве мать говорила ей: если проснулась ночью и тебе кажется, что кто-то зовёт, не отвечай сразу. Тогда Вера думала, что это одна из странных материнских примет, как запрет свистеть в доме или оставлять зеркало незанавешенным во время грозы, но теперь это воспоминание вернулось не как суеверие, а как инструкция, которую она когда-то выучила и намеренно забыла.

Она надела свитер поверх ночной футболки, сунула ноги в ботинки, не завязывая шнурки, и взяла со стола маленький фонарик, найденный вечером в кухонном ящике. Фонарик оказался почти бесполезным: светил узким, слабым пятном, дрожал на стенах и делал темноту вокруг ещё более густой. Вера вышла из спальни, стараясь двигаться спокойно, без той поспешности, которая выдала бы её страх даже пустому дому.

Коридор встретил её холодом. Свет, оставленный вечером, не горел, хотя выключатель был в прежнем положении; когда Вера нажала на него, лампа под потолком коротко мигнула и погасла окончательно. Из гостиной доносилось тиканье часов, ровное и слишком громкое, а за стенами шумел ветер, швыряя дождь в окна с такой силой, будто дом действительно стоял не на земле, а посреди чёрной воды.

Дверь на второй этаж была открыта примерно на ладонь. Вера остановилась в нескольких шагах от неё. В глубине лестницы было темно, но сверху, откуда-то из коридора второго этажа, тянулся слабый сероватый свет, не похожий ни на электрический, ни на свет маяка. Скорее это было рассеянное ночное свечение, какое бывает в комнате с незашторенным окном, если за окном лежит снег или море отражает тяжёлое небо. Оттуда пахло сыростью и старой тканью, но к этому запаху примешивался ещё один, едва различимый: солёный, свежий, словно кто-то только что вошёл с улицы в мокрой одежде.

Она посветила фонариком на замок. Ключ торчал с внешней стороны, как она его и оставила, только теперь был повернут в другую сторону. Это выглядело невозможно. Если бы замок

сорвался сам, ключ мог бы выпасть, повернуться, заклинить, но он был повернут аккуратно, почти до конца, как будто чья-то рука взялась за него с той стороны, где руки быть не могло.

Вера осторожно коснулась двери ладонью. Дерево было холодным, влажным, и в этом холоде ей почудилось не отсутствие тепла, а чьё-то недавнее прикосновение. Она закрыла дверь, резко повернула ключ и почти сразу услышала, как наверху, в глубине второго этажа, что-то тихо сдвинулось. Не упало, не ударилось, а именно сдвинулось с места, будто тяжёлый предмет по полу потянули на несколько сантиметров.

Вера отступила. В эту секунду в гостиной перестали тикать часы. Тишина, возникшая после этого, оказалась настолько плотной, что даже шум шторма за окнами на мгновение будто отдалился. Вера повернула голову в сторону гостиной и, сама не понимая, зачем, пошла туда. Её фонарик выхватывал из темноты знакомые предметы: край книжного шкафа, спинку кресла, материнские очки на столике, тёмный провал окна, в котором отражалось её собственное лицо. Часы висели на стене, как всегда, но маятник остановился, а стрелки показывали 03:17.

Она подошла ближе и несколько секунд смотрела на циферблат. Минутная стрелка стояла чуть ниже третьей отметки, часовая — между тремя и четырьмя, и в этом не было бы ничего особенного, если бы Вера не помнила, что вечером часы показывали неправильное время и отставали почти на час. Они не могли сами прийти к точному ночному часу. Не могли, если только кто-то не перевёл их после её ухода в спальню.

На нижней полке под часами лежала небольшая записная книжка в потрескавшейся коричневой обложке. Вера заметила её ещё вечером, но тогда решила не трогать материнские бумаги до утра. Теперь книжка лежала чуть выдвинутой, будто кто-то небрежно поставил её обратно или, наоборот, хотел, чтобы она бросилась в глаза. Вера взяла её и почувствовала под пальцами сухую шероховатость старой обложки. На первой странице было написано рукой матери: «Дом. Верх. Замки. Свет».

Слова были не названием дневника, а скорее пометкой для себя, такой же резкой и функциональной, как записка на кухне. Некоторые страницы испещряли странные повторения: «Проверить верх до темноты», «Не оставлять ключ внутри», «После ветра смотреть стены», «Если часы остановятся, не открывать». Вера листала дальше, и сердце у неё сжималось всё сильнее, потому что перед ней была не исповедь безумной женщины и не старческий бред, а система наблюдений, слишком последовательная, слишком многолетняя, чтобы отмахнуться от неё сразу.

На одной из страниц, примерно в середине книжки, стояла дата пятилетней давности. Под ней мать написала: «03:17. Снова шаги. Голос С. из-за верхней стены. Не отвечала». Вера несколько секунд смотрела на букву «С.», не позволяя себе назвать имя, которое всплыло в памяти само собой. Сергей Морозов. Отец. Человек, который, по официальной версии, ушёл к морю во время шторма и не вернулся.

Она закрыла книжку слишком резко, и звук хлопнувших страниц показался в пустой гостиной почти неприличным. Ей захотелось бросить эту вещь обратно на полку, как бросают предмет, от которого можно заразиться чужим страхом, но вместо этого она прижала записную книжку к груди и села в материнское кресло. Ткань под ней была холодной, жёсткой, и от неё пахло старой шерстью, лекарствами и чем-то горьким.

Вера не знала, сколько просидела так, глядя на остановившиеся часы. Минуты в доме словно потеряли привычную меру. В какой-то момент она услышала, как дождь стал слабее, но ветер продолжал ходить вокруг стен, длинными, низкими порывами. Потом в коридоре, возле двери на второй этаж, снова что-то щёлкнуло.

Она не встала. На этот раз страх был не острым, а глубоким, давящим, почти сонным. Вера смотрела в тёмный проём гостиной и пыталась вспомнить, что именно произошло после исчезновения отца. В её памяти было много разрозненных вещей: мать, сидящая на кухне с

сухими глазами; участковый в мокром плаще; соседки, говорящие шёпотом в прихожей; запах йода, которым кто-то смазывал Вере содранную коленку; мокрые сапоги отца, стоявшие у двери, хотя потом мать утверждала, что он ушёл в них. Но главного воспоминания не было. Ночь обрывалась на моменте, когда мать увела её от двери, а дальше начинался провал, густой и тёмный, как вода под обрывом.

Из коридора донёсся тихий звук, похожий на осторожный выдох. Вера сжала книжку сильнее. Она могла бы сказать себе, что это ветер прошёл через щель в раме, но в глубине души уже понимала: дом не просто шумит, он повторяет старые звуки, как больной человек повторяет одни и те же слова в бреде.

Ей нужно было уйти отсюда. Не завтра, не после похорон, не после документов, а сейчас, ночью, в гостиницу, к Валентине Егоровне, куда угодно, где стены не помнят её детства. Эта мысль пришла внезапно и показалась такой разумной, что Вера сразу встала, взяла телефон и попыталась снова поймать связь. У окна в гостиной появилась одна полоска, потом исчезла. На кухне сеть была чуть лучше; она набрала номер такси, но вызов оборвался. Тогда она написала Валентине Егоровне сообщение: «Вы не спите? Можно я приду к вам?»

Сообщение долго не отправлялось. Пока телефон пытался поймать сеть, Вера стояла у кухонного окна и смотрела в сад. В темноте мокрые яблони казались низкими согнутыми фигурами, а за ними шевелилось море, хотя самого моря видно не было. В какой-то момент ей показалось, что возле калитки стоит человек. Высокая тёмная фигура почти сливалась с забором, и Вера сначала решила, что это ствол яблони или столб, на который она не обратила внимания днём. Но потом фигура чуть повернулась, и в слабом отражённом свете окна она различила лицо.

Неясное, бледное, обращённое к дому. Она отступила от окна так резко, что задела локтем чашку на столе. Чашка упала на пол и разбилась, звук оказался слишком громким для ночи, и именно после него телефон наконец коротко пискнул: сообщение отправлено.

Ответ пришёл почти сразу.

«Не выходите. Заприте двери. Я звоню Артёму».

Вера смотрела на эти слова, не понимая, кто такой Артём и почему соседка решила звонить именно ему. В следующую секунду снаружи, со стороны крыльца, раздался глухой стук. Кто-то постучал в дверь один раз, тяжело и спокойно, словно был уверен, что его услышат.

Вера медленно вышла из кухни в прихожую, оставив за спиной разбитую чашку, оставившиеся часы и телефон с открытым сообщением в руке. За входной дверью было тихо, только дождь стекал с крыши и ветер шуршал в мокрых ветках. Она не подошла близко, но увидела, как под дверью на старый половик медленно просачивается вода.

А потом снаружи раздался голос, мужской, низкий и незнакомый.

— Вера Сергеевна, не открывайте, пока я не назову, кто меня прислал. Меня зовут Артём Белов. Валентина Егоровна попросила проверить, всё ли у вас в порядке.

Она стояла, не двигаясь, и слушала этот голос так внимательно, будто от его интонации зависело больше, чем от смысла слов. Он звучал живым, усталым, слегка хриплым от ветра и холода, и в нём не было той ласковой пустоты, которую Вера помнила с детства.

— Отойдите от двери, — сказал он после короткой паузы, уже тише. — Если вы одна, сначала посмотрите в окно. Я подниму руки, чтобы вы видели.

Вера медленно подошла к боковому окну прихожей и отодвинула край шторы. На крыльце стоял мужчина в тёмной куртке с капюшоном, мокрый от дождя, высокий, широкоплечий, с лицом, которое в слабом свете казалось резким и сосредоточенным. Он действительно поднял руки, показывая, что не держит ничего опасного, но смотрел не на окно, а чуть выше, туда, где начинался второй этаж.

И только тогда Вера увидела, что одно из верхних окон в доме открыто настежь. Из него наружу вырывалась белая занавеска, которой днём, насколько она помнила, не было.

Глава 5

Дочь Ирины

Вера не сразу открыла дверь, хотя человек на крыльце назвал своё имя и стоял так, как обещал: в стороне от замка, под косыми струями дождя, с поднятыми руками и лицом, обращённым не к ней, а к верхним окнам дома. В этом странном, почти профессиональном спойствии было что-то убедительное, но после всего, что произошло за ночь, Вера уже не доверяла ни голосам, ни жестам, ни собственному стремлению поскорее увидеть рядом живого человека. Она продолжала смотреть на него через узкую щель между шторой и стеной, замечая подробности, которые в другой ситуации показались бы несущественными: мокрые пряди тёмных волос у висков, тяжёлую куртку с нашивкой береговой службы, фонарь на ремне, грязь на ботинках, напряжённую линию плеч, по которой было видно, что он не просто пришёл по просьбе соседки, а уже заранее ожидал увидеть в этом доме нечто неприятное.

Верхнее окно оставалось открытым. Из тёмного проёма наружу вырывалась белая занавеска, её било ветром о раму, и от каждого удара по фасаду проходила едва заметная дрожь, будто дом раздражённо вздрагивал от прикосновения холодной мокрой ткани. Вера совер-

шенно точно помнила, что вечером ни одно окно на втором этаже не было открыто, потому что она несколько раз поднимала взгляд к фасаду, стоя у калитки, и видела только мутные стёкла, серые занавески и чёрную влажную крышу. Белой занавески там тоже не было. Это могла быть ошибка памяти, конечно. Усталость, таблетка, дорога, смерть матери, всё то, чем легко объяснить почти любое искажение восприятия. Но объяснение не меняло главного: сейчас окно было распахнуто, а дверь на второй этаж открывалась сама, и в этом доме что-то продолжало двигаться, пока она убеждала себя, что всё можно разложить по полкам здравого смысла.

— Вера Сергеевна, — снова сказал мужчина с крыльца, не повышая голоса, но достаточно отчётливо, чтобы она услышала его сквозь дверь и шум дождя. — Я не буду входить, пока вы не разрешите. Валентина Егоровна сказала, что вы одна и что у вас что-то случилось. Если вам спокойнее, можете позвонить ей при мне.

Она машинально посмотрела на телефон. Связь всё ещё была слабой, но сообщение от соседки висело на экране, короткое и странно уверенное: «Откройте Артёму. Только ему». Вера перечитала эти три слова и почувствовала не облегчение, а новую тревогу. Только ему. Так пишут не о человеке, который случайно оказался рядом и может помочь починить замок, а о том, кому заранее отведена определённая роль в чужой, давно начавшейся истории.

Она подошла к двери, но не сняла цепочку сразу. Голос, который прозвучал из неё, оказался хриплым, будто она долго молчала или кричала во сне.

— Кто вы?

За дверью мужчина помолчал так недолго, что эта пауза не выглядела ни растерянностью, ни попыткой придумать ответ.

— Артём Белов. Работаю в береговой охране, иногда помогаю Валентине Егоровне, когда у неё что-то случается по дому. Она позвонила и сказала, что вы написали ей ночью.

— Почему она позвонила именно вам?

— Потому что я ближе всех был на смене и потому что она знала, что я приеду.

Этот ответ ничего не объяснял и одновременно звучал слишком естественно для маленького города, где люди годами выстраивают невидимые сети обязательств, доверия, старых услуг и молчаливых долгов. Вера сняла цепочку, повернула ключ и отступила назад, всё ещё удерживая дверь так, чтобы открыть её не полностью. В коридор ворвался холодный воздух, запах мокрой земли, моря и мужской одежды, пропитанной дождём.

Артём Белов оказался выше, чем показался из окна. Вблизи его лицо было не столько красивым, сколько запоминающимся: резкие скулы, тёмные брови, внимательные серые глаза, в которых не было ни сочувственной мягкости, ни любопытства, свойственного людям, пришедшим посмотреть на чужую беду. Он оценил Веру быстрым, почти незаметным взглядом, задержался на её бледном лице, на телефоне в руке, на мокром пятне у порога, потом снова поднял глаза к лестнице, хотя из прихожей второго этажа видно не было.

— Вы звонили в полицию? — спросил он.

— Нет.

— Есть следы взлома, чужие вещи, пропажа денег или документов?

— Я не знаю, — ответила Вера, чувствуя раздражение от того, как спокойно и практично он задаёт вопросы. — Я приехала только сегодня, точнее уже вчера. В доме умерла моя мать, и я пока не успела провести инвентаризацию.

Артём принял эту резкость без видимой реакции. Он снял капюшон, но не сделал ни шага внутрь, ожидая её разрешения, и эта выдержанная осторожность почему-то действовала сильнее любых уговоров.

— Можно войти?

Вера отступила.

Он переступил порог, снял мокрые ботинки, поставил их на старый половик и только после этого прошёл дальше, будто был здесь уже не впервые и знал, насколько Ирина Моро-

зова не любила грязь в прихожей. Эта мелочь неприятно кольнула Веру. За десять лет её отсутствия дом, мать, соседи и даже этот незнакомый мужчина продолжали существовать в какой-то общей жизни, из которой она сама давно выпала, но в которую теперь её втягивали обратно не как хозяйку, а как человека, явившегося слишком поздно.

— Вы были знакомы с моей матерью? — спросила она.

Артём взглянул на пальто Ирины Алексеевны, всё ещё висевшее на крючке рядом с Вериным.

— В городе все её знали.

— Это не ответ.

— Иногда я подвозил её из больницы, пару раз помогал с окнами перед штормом. Она не любила принимать помощь, так что знакомством это назвать трудно.

Он говорил ровно, но Вера уловила в этой ровности что-то нарочитое. Как будто он выбирал слова заранее, обходя те, которые могли повести разговор туда, куда сейчас идти не стоило.

— Валентина Егоровна сказала, что вы можете помочь.

— Она сказала, что нужно приехать, — уточнил Артём. — Это не одно и то же.

Он наконец повернулся к лестнице. Дверь на второй этаж, которую Вера, как ей казалось, снова заперла после ночного щелчка, теперь была закрыта, но ключ в замке торчал под небольшим углом, словно его повернули не до конца. На полу возле порога темнела тонкая полоска воды. Артём заметил её сразу, присел, провёл пальцами по древесине и поднёс руку к свету.

— Солёная, — сказал он скорее себе, чем ей.

— Что?

— Вода. Похожа на морскую.

Вера хотела возразить, что в доме у моря вода легко может пахнуть солью, особенно во время шторма, но не сказала. Артём поднялся, взял с пояса фонарь и направил луч вверх, вдоль щели между дверью и косяком. Свет был сильным, белым, и в нём старое дерево показалось ещё более ветхим, чем днём. На уровне плеча, чуть выше замка, Вера увидела несколько глубоких царапин, которых раньше не замечала. Они шли изнутри наружу, будто кто-то долго и настойчиво пытался провести по дереву острым металлическим предметом.

— Это было? — спросил Артём.

Вера сглотнула.

— Я не знаю.

— Вы поднимались наверх после приезда?

— Нет.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде на секунду появилось что-то похожее на удивление, слишком быстро скрытое.

— Совсем?

— Совсем, — ответила Вера. — Я не обязана сразу обходить весь дом, если приехала хоронить мать.

— Не обязаны.

Он сказал это спокойно, без нажима, но от его спокойствия ей стало ещё неприятнее. Вера вдруг почувствовала, что между ними уже существует неравенство: он знает о доме больше, чем она, хотя дом принадлежит ей; он знает, как в нём двигаться ночью, куда смотреть, каких звуков опасаться, а она стоит в собственной прихожей с ощущением гостьи, которой не выдали правила.

— Что здесь происходит? — спросила она.

Артём не ответил сразу. Он подошёл к окну прихожей, снова посмотрел на второй этаж снаружи, затем перевёл взгляд на часы в гостиной, видневшиеся через открытую дверь. Стрелки всё ещё показывали 03:17, хотя времени уже было ближе к четырём.

— Сначала надо закрыть окно наверху, — сказал он. — Если дождь зальёт комнату, потолок потом поведёт, и вы получите ещё одну проблему помимо всех остальных.

— Вы говорите так, будто это главная проблема.

— Главная проблема обычно та, которую можно решить прямо сейчас.

Эта фраза, сухая и почти грубая, внезапно вернула Вере опору. Не потому, что он был прав, а потому, что в его голосе не было мистической многозначительности, к которой за последние сутки, казалось, сводились все разговоры в городе. Он не произносил слов «дом», «шторм», «верх» так, будто за ними стоит проклятие. Он говорил о потолке, окне и воде, и эта практичность на несколько секунд позволила ей дышать ровнее.

— Я пойду с вами, — сказала она.

— Не нужно.

— Это мой дом.

— Именно поэтому вам лучше остаться внизу.

Вера усмехнулась, но усмешка вышла тонкой и злой.

— Вы правда думаете, что после всего, что я сегодня услышала, я позволю незнакомому мужчине одному подняться на второй этаж моего дома?

Артём посмотрел на неё внимательно, и в этом взгляде на мгновение исчезла вся деловая собранность. Он будто хотел сказать: «Я не знакомый этому дому», но произнёс другое.

— Тогда держитесь позади и не трогайте ничего, пока я не посмотрю.

— Вы всегда так разговариваете с людьми?

— Только когда они открывают дверь в четыре утра, а на втором этаже у них распахнуто окно во время штормового предупреждения.

Он повернул ключ. Замок поддался с трудом, скрипнул, и дверь на второй этаж медленно открылась внутрь. Из-за неё сразу потянуло холодом, таким плотным и влажным, что Вера невольно отступила на полшага. В этом холоде действительно был запах моря, но не тот живой, широкий запах берега, который она помнила с детства, а затхлая солёность водорослей, выброшенных на камни и забытых там до гниения.

Артём поднялся первым, светя фонарём перед собой. Вера пошла за ним, держась за перила. Дерево под пальцами было влажным. На середине лестницы она увидела место, где днём был мокрый след, но теперь пятно почти исчезло, оставив только тёмную неправильную тень в древесине. Артём тоже заметил его, но ничего не сказал.

Второй этаж встретил их запахом пыли, сырости и старой ткани. Луч фонаря скользнул по коридору, по закрытым дверям комнат, по выцветшим обоям, по длинной дорожке на полу, которой Вера не помнила. Всё здесь казалось одновременно знакомым и чужим. В детстве коридор был длиннее, светлее, шумнее, полным дневных звуков, маминых шагов, отцовского смеха, её собственного детского бега. Теперь он выглядел так, будто всё это время не ждал никого, а просто медленно старел в одиночестве, собирая в себе холод.

Открытое окно находилось в комнате справа, той самой, где когда-то стояли коробки с отцовскими вещами. Дверь туда была приоткрыта. Артём осторожно толкнул дверь плечом, направил внутрь фонарь и вошёл первым.

Комната оказалась почти пустой. У дальней стены стоял старый шкаф, у окна — узкая тумба, на полу валялись намокшие куски бумаги, которые ветер, видимо, сорвал со стола или полки. Окно било створкой о раму, впуская дождь и тяжёлый воздух ночи. Артём быстро подошёл к нему, поймал створку, осмотрел щеколду и только потом закрыл. В комнате сразу стало тише, но тишина не успокоила Веру. Наоборот, когда ветер перестал рваться внутрь, она услышала другой звук — едва различимое поскрипывание где-то за стеной, словно в соседнем помещении кто-то медленно переступил с ноги на ногу.

Артём тоже услышал. Его рука с фонарём задержалась в воздухе, но он не обернулся резко, не выдал себя испугом, только чуть изменил положение тела, встав так, чтобы оказаться между Верой и дверью.

— Здесь кто-то есть? — прошептала она, хотя шёпот в этой комнате показался ей глупым и детским.

— В старом доме может быть кто угодно, от кошки до человека без мозгов, который решил переждать дождь на чужом чердаке.

— У нас нет чердака с отдельным входом.

— Тогда остаётся кошка.

Он сказал это почти спокойно, но Вера уже поняла, что сам он не верит в кошку. Луч фонаря прошёлся по стене, задержался на старых фотографиях, которые стояли на тумбе изображением вниз. Артём перевернул одну из них, и Вера увидела снимок, сделанный много лет назад на берегу: отец держит её маленькую на руках, мать стоит рядом, чуть в стороне, в светлом плаще, с лицом, которое на фотографии кажется спокойным только на первый взгляд. За их спинами виден маяк и серое море, а в правом углу снимка, там, где начиналась линия обрыва, стоял человек.

Вера наклонилась ближе.

Фигура была смазанной, почти случайной, как часто бывает на старых фотографиях, но в её очертаниях было что-то странно знакомое. Высокий мужчина в тёмной одежде стоял слишком далеко, чтобы разглядеть лицо, и всё же Вере показалось, что он смотрит прямо на неё, маленькую, смеющуюся, ничего ещё не знающую.

— Кто это? — спросила она.

Артём взял фотографию у неё из рук, посмотрел и слишком быстро положил обратно.

— Не знаю.

— Вы даже не рассмотрели.

— Снимок старый. Тут полгорода могло случайно попасть в кадр.

— Вы врётё?

Он повернулся к ней медленно. В свете фонаря его лицо казалось более жёстким, чем в прихожей.

— Пока нет.

Ответ был настолько неожиданным, что Вера не сразу нашлась, что сказать. Где-то за стеной снова послышалось то же осторожное поскрипывание, и на этот раз оно перешло в тихий стук, будто деревянная поверхность один раз ударилась о другую. Артём направил фонарь в коридор.

— Нам лучше спуститься, — сказал он.

— Почему?

— Потому что окно закрыто, а искать ночью источник каждого звука в этом доме — плохая идея.

— Вы говорите как человек, который уже пробовал.

Он ничего не ответил, и это молчание оказалось красноречивее признания. Вера почувствовала, как внутри неё, поверх страха, поднимается упрямство. Вся жизнь ей говорили не смотреть, не спрашивать, не открывать, не подниматься, не трогать. Мать делала это с холодной яростью, соседи — с суеверной осторожностью, теперь этот человек, появившийся из дождя по звонку Валентины Егоровны, говорил то же самое и явно считал, что имеет право решать, сколько правды она выдержит.

— Я хочу увидеть остальные комнаты, — сказала Вера.

— Сейчас не время.

— А когда время? Утром? После похорон? После того как мне снова скажут, что люди любят легенды?

Артём смотрел на неё долго. Потом перевёл взгляд в конец коридора, туда, где в детстве была глухая стена с выцветшими обоями. Луч его фонаря скользнул туда на мгновение, и Вера успела увидеть только тусклую поверхность стены, тёмное пятно у плинтуса, облупившийся край старого багета. Никакой двери там не было. Конечно, не было. И всё же в груди у неё стало тесно от одного только взгляда в тот конец коридора.

— Утром, — сказал Артём наконец. — Если захотите, я приду утром и помогу всё осмотреть при свете. Сейчас вы устали, а дом после смерти человека всегда кажется опаснее, чем есть.

— Вы сами в это верите?

— Я верю, что усталые люди видят больше, чем могут потом объяснить.

— Это не ответ.

— Да.

Они спустились молча. Внизу дом казался чуть более реальным: кухонный свет, разбитая чашка на полу, мокрые ботинки у порога, телефон на столе, в котором уже мигали новые сообщения от Валентины Егоровны. Артём закрыл дверь на второй этаж, проверил замок, потом попросил у Веры кусок ткани и вытер воду у порога, будто простые действия могли вернуть вещам порядок.

— Вы не останетесь здесь одна, — сказал он, когда закончил.

Вера подняла голову.

— Простите?

— Не сегодня. Я отвезу вас к Валентине Егоровне или в гостиницу.

— А если я откажусь?

— Тогда я посижу на крыльце до утра.

Он сказал это без вызова, как человек, уже принявший решение и не считающий нужным доказывать его логичность. Вера хотела возмутиться, но сил на спор внезапно не осталось. Внутри всё дрожало от усталости, холода, недосыпа и слишком большого количества совпадений, которые переставали быть совпадениями, если смотреть на них подряд.

— Почему? — спросила она тихо. — Почему вы вообще вмешиваетесь?

Артём долго смотрел на закрытую дверь вверх. Потом сказал, не поворачиваясь к ней:

— Потому что в этом доме однажды уже не успели вовремя вывести ребёнка.

Вера почувствовала, что воздух в прихожей стал плотнее.

— Что это значит?

Он не ответил сразу. Снаружи дождь стал слабее, и в наступившей после него влажной тишине море за домом было слышно особенно отчётливо, как далёкое дыхание огромного спящего существа.

— Это значит, что вам нужно взять документы, тёплые вещи и уехать отсюда до утра, — сказал Артём. — Всё остальное можно обсудить завтра.

Вера посмотрела на него, потом на дверь второго этажа, потом на материнское пальто в прихожей. Ей вдруг показалось, что дом слушает их разговор с тем холодным, терпеливым вниманием, с каким иногда слушают не слова, а решение.

Она уже хотела согласиться, когда сверху, из глубины запертого этажа, донёсся звук падающего предмета. Не громкий обвал и не скрип, а короткий, глухой удар, после которого по потолку над ними медленно прокатилось что-то круглое, остановилось примерно над прихожей и больше не двигалось.

Артём замер.

Вера подняла глаза к потолку.

Несколько секунд они оба молчали, и в этом молчании Вера впервые почувствовала, что он боится не меньше её, просто умеет держать страх глубже.

Потом из-за закрытой двери на второй этаж тихо, почти ласково, прозвучал женский голос, похожий на голос её матери:

— Верочка, ты приехала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.